

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

***ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК***

№ 1 (20)

январь - март

2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	5
<i>И. С. Гуляев</i>	
Ф. А. Степун о войне как о трагедии общества	5
<i>И. Г. Гуляева</i>	
Онтология света в философии имени и образа С. Н. Булгакова	9
<i>Н. Г. Бузук</i>	
Праксиологический аспект евразийского государства в трудах Н. Н. Алексеева	16
<i>А. В. Севостьянов</i>	
О прогнозировании техносферы постиндустриального общества: социально-философский контекст	20
<i>А. В. Севостьянов</i>	
К вопросу становления техносферы постиндустриального общества в России	25
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	31
<i>В. С. Антонова</i>	
<i>Е. И. Гумилина</i>	
<i>А. В. Скрыпников</i>	
Латвия: от гражданской войны к установлению фашистской диктатуры	31
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ	53
<i>Л. А. Золотовская</i>	
<i>В. С. Ивановский</i>	
Психологический портрет современного руководителя	53
<i>В. А. Шагаев</i>	
Генерал М. И. Драгомиров о воспитании и обучении офицеров.....	65
<i>Е. С. Васильева</i>	
Изложение темы «Теория относительности А. Эйнштейна» в курсе современная научная картина мира.....	76
<i>Т. И. Пахомова</i>	
Развитие речи учащихся на уроках русского языка и литературного чтения в начальной школе	83
ВОПРОСЫ ПРАВА	116
<i>В. А. Шагаев</i>	
Политические судебные процессы в России в XIX веке	116
<i>О. Ю. Бунин</i>	
О несоответствии названий статей Особенной части УК РФ их содержанию	128

<i>С. В. Некрасов</i>	
Понятие, значение принципов уголовного судопроизводства.....	131
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	136
<i>А. В. Репников</i>	
Забывтые воспоминания о Первой мировой и Гражданской войнах.....	136
<i>А. А. Тесля</i>	
Необычный средний человек	144
<i>А. В. Репников</i>	
Белый генерал.....	150
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	155

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. В. Репников

Забытые воспоминания о Первой мировой и Гражданской войнах

Забытая война: сборник исторических литературных произведений / Сост. Р. Г. Гагкуев. М. : Содружество «Посев», 2011. – 464 с. [Корсак В. В. Плен. Забытые. Базанов С. Н. За честь и величие России]

Красная смута: сборник исторических литературных произведений / Сост. Р. Г. Гагкуев. М. : Содружество «Посев», 2011. – 664 с. [Аверченко А. Т. Рассказы и фельетоны времен Гражданской войны. Корсак В. В. У красных. У белых. Великий исход. Цветков В. Ж., Гагкуев Р. Г. Между красными и белыми].

Читая в середине 1990-х годов вышедшие в эмиграции книги Вениамина Валериановича Корсака (под этим псевдонимом писал В. В. Завадский), пробывшего более 3 лет в немецком плену и потом прошедшего Гражданскую войну, я удивлялся тому, что столь уникальные воспоминания до сих пор не переизданы на родине автора. И вот, наконец, это произошло. Два тома, снабженные научными комментариями и малоизвестными иллюстрациями, вышли в 2011 году в Москве. Подготовил их кандидат исторических наук Р. Г. Гагкуев, известный высокопрофессиональными работами по Гражданской войне.

Прочитать эти книги будет интересно и полезно не только военному историку, но и рядовому обывателю. Судьба автора иногда похожа на приключенческий роман. Поручик Кобринского полка, он в ноябре 1914 года был ранен в бою. Попал в плен и содержался в Мюнденском лагере военнопленных до февраля 1917, затем до 18 июля 1918 находился в лагерях военнопленных в городах Галле и Эшwege. Вернувшись в Россию, работал в советских органах власти. Затем оказался у белых и в феврале 1920 эвакуировался с ними из Одессы. Живя в Париже, занимался литературным трудом. Скончался в 1944 году. Наибольшую известность принесли ему автобиографические романы, которые теперь стали доступны и российскому читателю.

В 1914 году Корсаку было 30 лет, а «предстоявшая война казалась чем-то вроде увеселительной прогулки с ночевками в поле. Это даже было привлекательно после продолжительной городской жизни.

Все же остальное пряталось в неизвестном будущем»¹. В бою он был ранен и обезоружен. Окружившие его немцы занялись мародерством: «Бросившись ко мне, он сорвал серый погон, под которым блеснул золотой. Другой немец сорвал второй погон. Остальные стали срывать золоченые пуговицы на шинели, забрали кокарду с фуражки. – ZumAndenken², – говорили они. Распахнувши шинель, они оставили черные пуговицы на кителе, но стянули с него погоны. Сняли ремни от снаряжения, залезли в карманы, осмотрели бумажник, кошелек; денег со мной не было, только в кошельке звенело несколько мелочи; этого они не тронули. Незаметно, как опытные воры, они вытащили из бокового кармана серебряный портсигар с золотой монограммой – подарок сослуживцев. Исчез и носовой платок»³.

Вместе с другими пленными Корсака погнали по дороге, попутно отбирая у русских все, чем можно поживиться: «Вещевые мешки выворачивались наизнанку. Белье, махорка, выданные перед боем консервы – все быстро исчезало в бездонных немецких карманах. Стоявший рядом солдатик вынул нож и разрезал сапог: — Чтобы не польстились, – объяснил он. Одному русскому немец дал взамен такие башмаки, что тот не мог их надеть и решил идти босиком»⁴. С теми, кто сопротивлялся, не церемонились; голодных, униженных, иногда раненных или избитых людей гнали вперед. Пока пленные шли по польской земле они еще встречали сочувствие, но вот, «мы перешли границу. Милые польские хаты под соломой заменились белыми домами под красной черепицей. При нашем появлении немцы выбегали посмотреть на пленных, а какой то учитель вывел даже свою школу. Нам вслед кричали, плевали и пели: “Deutschland, Deutschlandüberalles...”⁵... Для пленных, по словам конвоиров, в Германии были устроены особые лагеря»⁶.

С вокзала в Стржалково пленных должны были отправить в лагерь. Когда они пришли на площадь, «защелкали фотографические аппараты; предложили составить живописную группу из пулеметов, солдат и офицеров. Офицеры отказались. Солдаты же, надеясь, что их покормят после съемки, позволили себя снять; отвязавши котелки от поясов, они долго потом ходили по пятам фотографов. Но те уже не об-

¹Корсак В. В. Плен // Забытая война: сборник литературных произведений: Корсак В. В. Плен, Забытые. Базанов С. Н. За честь и величие России / Составитель Р. Г. Гагкуев. М., 2011. С. 5.

² На память; сувенир (нем.).

³Корсак В. В. Плен. С. 16.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Германия превыше всего (нем.).

⁶Корсак В. В. Плен. С. 38.

рашали на них никакого внимания. К офицерам приставали дать что-нибудь “zumAndenken”. Было смешно, когда массивные немцы и немки гонялись за теми, у кого еще чудом сохранились кокарда, пуговица или ремень. Но больше всего имела успеха папаха, – молодой сибирский офицер, сохранивший ее благодаря тому, что в затруднительные моменты снимал и прятал ее под шинель, подвергался особенно нападениям со стороны немок. Одна даже принесла большой белый хлеб в обмен на папаху. Но, как ни был голоден поручик, папаху он все-таки не отдал»¹.

После утомительной поездки в поезде пленные прибыли в Мюнденский лагерь. Далее в книге подробно описывается жизнь пленных, их отношения друг с другом и с немецкой администрацией. Все это прочитывается с большим интересом, поскольку на страницах книги не выдуманные, а реальные люди. Сильные и слабые, сломавшиеся и стойкие, хитрые и добрые. Вот англичанин, которого буквально завалили посылками с едой, а вот – голодающие русские: «...к нам привели... англичанина, 23-летнего лейтенанта Бети-Смиса, только что взятого на фронте... Через неделю он уже получил бриджи, френч и обувь, по праздничному и будничному комплекту, причем в каждом комплекте была зимняя и летняя смена. Наслали ему всевозможных консервов, печений, шоколада; была целая посылка с книгами и даже комнатный теннис... Когда на Бети-Смиса посыпались градом посылки, он купил для хранения полученного два больших чемодана и объемистый дорожный мешок. Наполнив их до отказа, он стал класть вещи на полку, которая, на высоте человеческого роста, шла над нашими кроватями. Заставив причитающуюся ему долю, Бети-Смис, как истый бритт, увидев пустое пространство, не мог не захватить его и устроил цветущие консервные колонии... Имея также и деньги, Бети-Смис никогда не забывал заглянуть в кантину и каждый раз приносил оттуда большие банки великолепных фруктовых и ягодных консервов. Они стоили очень недорого, но, увы, для русских и это было недоступно»².

В пленурусским как-то само собой вдруг «стало видно их странное положение. Все нации – немцы, французы, бельгийцы, англичане, поляки были покрыты чем-то жестким, что резало русское добродушие, как нож тесто. Немцы нас считали за варваров, поляки откровенно ненавидели, бельгийцы рассматривали, как “uneesprecedesauvages”³. Французы молчали, но они, конечно, не допускали никакого знака равенства между собой и нами, а англичане просто не

¹Корсак В. В. Плен. С. 40.

² Там же. С. 68-69.

³ Племя дикарей (фр.).

считались с нами. Но русские никому не имели права платить той же монетой; от России все эти народы что-то требовали, но сами не думали ничего признавать за ней»¹.

Страдало не только тело, но и душа. Пленные радовались, когда появилась возможность заказывать русские книги (хотя поначалу это была большей частью пропагандистская литература, или непристойные стихи И. С. Баркова). Они устроили в лагере небольшую церковь, сами написали иконы; изучали иностранные языки, пытались писать очерки и рассказы, занимались фотографией (в лагере было около ста фотоаппаратов), пробовали ставить спектакли, создали хор. «— Какие чудесные напевы, — говорил один претор другому, выходя однажды со спевки. — А какие голоса! — отзывался другой. — Они поют, как настоящие артисты, — сказал высокий бельгиец. Удивляло иностранцев также и разнообразие мотивов. Сдержаннее всех относились англичане. Но и они были побеждены, когда Клавдий Иванович с хором пропел “Эй, ухнем”. Эти приближающиеся и снова удаляющиеся голоса забрали их за живое. Может быть, это пение и навело кого-нибудь из них на мысль, что русские не такие уж варвары, как они себе представляли»². Вопреки страшной обстановке, люди пытались оставаться людьми и не скатываться до животного уровня.

«Душа стремилась к свободе, к любви, к счастью. Но этот порыв не находил выхода и томил. Между нами и волей была двойная решетка с часовыми. На французов вид женщин действовал по-другому. Особенно отличался один из них. Он принимал совсем к решетке, кричал, свистел, храпел, ржал. Один раз я сидел у решетки, когда проходили немки. Французы, по обыкновению, начали гоготание... прапорщик, стоявший у самой проволоки,...вдруг отошел. — Пришли и спугнули меня, — сказал он. — А я о жене раздумался, да о девочке. Тут как раз шла какая-то женщина с ребенком. Издали-то мне показалось, что мои. Сердце так и покатилося. Смотрю и глаз не спускаю с них. А вдруг, думаю, каким-нибудь чудом, мои... А тут как раз подошли союзники... Видно мать то хотела в сторону свернуть, да некуда. Ну, она идет, делает вид, что внимания не обращает, а маленькой все любопытно. Что там они кричали, я не понял, но только когда один стал... я уж не выдержал и ушел. Ну, думаю, хорошо, что не мои... Общее же отношение русских к женщине было смягчено и облагорожено чувством к оставшимся там, в глубокой России»³.

¹Корсак В. В. Плен. С. 101-102.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 107-108.

Описывая быт и нравы пленных, Корсак пытается понять высший смысл всего происходившего: «Вместо убитой радости, так же, как мрак приходит, когда гаснет свет, появилась ненависть. Острая, беспощадная, все видящая, все подмечающая и ничего не прощающая. Она посягала на все; на свой язык она переводила все человеческие дела... И, странно, на кого обратилась сперва вся острота моих переживаний этого времени: на пустынных и святых первых времен христианства. Их убеждение в каком-то первородном грехе человечества казалось мне кощунственным, а сами они представлялись людьми с тупой, вялой мыслью, лишенными дара радоваться, смеяться, веселиться. Вместо святых, я увидел человеконенавистников, подавленных сознанием неизбежной смерти, с их преступной попыткой убить в человеке веру в любовь, в милосердие, в божественное снисхождение. Потом – против обманщиков. Это было самое больное место в душе. Их, было так много, и они сумели овладеть всем миром и всеми источниками, что нужны человечеству. Наука, литература, искусство, правители, революционеры – все это лгало и враждовало между собой. Церковь уверяла, что она знает Высшее Существо, его намерения, его сущность. Наука продавала себя и служила всему, что от нее требовали. Писатели, не выносившие своей мысли, без огня, без любви к истине, только засоряли сознание человечества. Правители презирали правых. Но им всем нужно было мое “я”, моя вера, мое сознание, моя совесть, моя сила, моя жизнь. От меня требовали повиновения, тащили каждый в свою сторону, угрожали и презирали. Я чувствовал себя охваченным беспощадными, жадными щупальцами. В молчании я искал виновных. Искал для того, чтобы сорвать гнев взволнованной и больной души. И виновных не находил. Жизнь оказалась так искусно построенной, что те, которые должны были почему-то отдавать здоровье и жизнь, виноватых не находили. Правители прятались за государство, наука объявляла себя нейтральной, церковь заявляла, что она молится лишь о мире всего мира, писатели и художники клялись, что они служат одному искусству. Все отрещивались от ужасов, а ужасы были»¹.

Корсак неоднократно показывает, что победы русских вызывали у немцев не только скорбь, но и... определенное уважение, и те в своих журналах помещали статьи о русских генералах: Алексееве, Рузском, Поливанове, Корнилове, Духонине и других. Гинденбург в одной статье о русской армии называл ее деятельной и стойкой². С другой стороны, и в изданиях, выходивших в России, печатались фотографии Вильгельма, Гинденбурга, немецких полководцев. Несмотря на

¹Корсак В. В. Плен. С. 203-204.

² Там же. С. 168.

всю жестокость войны и пропагандистское противостояние в иллюстрированных изданиях появлялись не только карикатуры но и вполне «официозные» портреты *вражеских* государственных деятелей и полководцев. Приведу конкретный пример – в первой части иллюстрированной хроники «Великая война» российский читатель мог увидеть фотографии Вильгельма II и его сыновей, Франца-Иосифа, Гинденбурга и других военачальников¹. Представить во время Великой отечественной войны появление официального портрета Сталина в нацистской прессе, или Гитлера в советской уже нельзя.

В начале февраля 1917 Корсак был переведен из Мюнденского лагеря. Вторая его повесть «Забытые» рассказывает о пребывании в лагерях военнопленных в городах Галле и Эшвег. В России произошла революция и защитники родины, оказавшиеся в плену были забыты. С нескрываемой обидой автор пишет о том, как «исчезло наше последнее утешение – надежда на победу над немцами и справедливое наказание их за тысячи сознательно погубленных в Германии русских жизней»². Сборник «Забытая война» завершается статьей историка С. Н. Базанова в которой дается характеристика роли России в Первой мировой войне. Затрагивается и тема плена, причем сообщается, что в плену по разным причинам (болезни, истощение, расстрелы за побег) погиб почти каждый десятый русский военнопленный.

18 июля 1918 года немцы отпустили Корсака как больного из плена, и он вернулся в Россию, оказавшись совсем в другой стране, чем в 1914 году. Об этом рассказывается в трех его последующих повестях, вошедших в сборник «Красная смута». Москва встретила его неприветливо. Родные и друзья были ему рады, но нужно было обустроиваться в новой жизни. В итоге он уехал в Белоруссию, где поступил на советскую службу. В повести «У красных» описываются впечатления от встреч с советскими чиновниками, а также чекистами, идейными большевиками и сочувствующими (или не сочувствующими) им обывателями. Видя вокруг злоупотребления, репрессии и цинизм автор понимает, что с большевиками ему не по пути.

Оказавшись в итоге в Киеве, Корсак решает остаться в городе после ухода из него красных войск и в августе 1919 его мобилизуют в Вооруженные силы Юга России. Кажется, что теперь он нашел «своих», но в повести «У белых» автор описывает случаи произвола, воровства, репрессий. Когда начинается отступление из Киева деникинцев, трагизм ситуации приобретает библейский масштаб: «Я посмот-

¹ Великая война. Иллюстрированная хроника / Под ред. Ф. К. Иванова. М., 1915. Ч. 1. С. 63, 69, 65, 77.

² Корсак В. В. Забытые. С. 261.

рел: от горизонта до горизонта тянулась лента уходивших. Она прерывалась иногда оврагами, снова показывалось, снова скрывалась и снова тянулась в бесконечность... Это был, действительно, великий исход. Уходили военные и невоенные, мужчины и женщины, взрослые и дети. Среди уходивших былирабочие, студенты, гимназисты, чиновники, люди, хорошо одетые и бедно одетые. Были представлены все средства передвижения: легковые автомобили, грузовики, крестьянские дровни, коляски на шинах, шикарные сани, разбитые таратайки и ломовые телеги»¹.

Чины и звания уже не имели значения, старая иерархия рухнула, новая не смогла сложиться; «власти убегали первыми; за ними тянулись тысячи и тысячи сорвавшихся с места людей. Живая громада шла, казалось, просто вперед, без определенной цели; в этот момент стала ясной вся важность и необходимость начал, творящих и образующих человеческое общежитие, – единой воли и организации. И то, что этих начал не было в этом стихийном отступлении, производило жуткое впечатление»². Вчерашние властители судеб оказывались не «железными», а «соломенными» людьми; в то время, как робкие подростки становились героями. Вот один из множества эпизодов: «Когда... обоз стал выходить на шоссе, сзади послышался стук одинокого экипажа. Все оглянулись. Нас догонял извозчикий фаэтон с кучером и единственным седоком в хорошей шубе. В ногах у него стоял небольшой чемоданчик. Поравнявшись с головными повозками, кучер ввел экипаж в общую линию и поехал шагом. – Кто это?... – Киевский городской голова. Голова стал что-то рассказывать. Подошли послушать и мы. – Вчера, перед вечером, только мы спустились с горки, – продолжал рассказчик, – вдруг из-за кустов три молодца с винтовками. Хотели ограбить. Пришлось деньгами откупаться. И голова назвал какую-то крупную сумму: не то восемьдесят тысяч, не то восемьсот. Дальнейшее мне уже показалось неинтересным, и я отошел в сторону. Минут через пять ко мне подошел Пыленко. – Гусь... – злобно заговорил он. – Городские служащие у него за три месяца денег не получили, с голоду и холоду пропадали. Моя мать уже пятнадцать лет на городской службе, последнее время каждую неделю его пороги напрасно обивала... Из-за безденежья и в Киеве должна была остаться, а когда ему отступать пришлось, так он миллион двести тысяч с собой захва-

¹Корсак В. В. Великий исход // Красная смута: сборник литературных произведений: Аверченко А. Т. Рассказы и фельетоны времен Гражданской войны. Корсак В. В. У красных, У белых, Великий исход. Цветков В. Ж., Гагуев Р. Г. Между красными и белыми / Составитель Р. Г. Гагуев. М., 2011. С. 342.

²Корсак В. В. Великий исход. С. 347.

тил... –Такое время. Когда жизнь тиха и благополучна, добро и зло в человеке незаметны. А когда напряжение становится высоким, злое опускается до невероятных пороков, а доброе поднимается до героизма. Посмотрите на тех, кто идет в дозоре; каждую минуту они могут быть убиты или ранены. И вот около них – человек, укравший деньги у голодных. Дозорные не знают, что они герои, а этот не чувствует, что он мерзавец»¹.

Поживиться чужим добром хотели многие. Крестьяне, узнав про застрявший в грязи обоз с продуктами «хозяйничали среди покинутых вещей. Настроение крестьян было явно враждебное, и владельцы, оставшиеся охранять свои чемоданы, должны были отступить перед этой толпой. Что можно было взять, крестьяне забирали, а остальное валили прямо в грязь и затаптывали. Большой и ценный обоз Государственной стражи погиб. Меха, ткани, ковры, серебро, белье, мука, кожа, сахар, мыло – все это было разграблено или уничтожено»².

Пока где-то шли бои, гибли люди, отступая по раскисшим дорогам и падая от усталости, в других местах бурлила жизнь. Корсак вспоминал, как он, наконец, прибыл в Одессу: «Открытые лавки и магазины выставляли напоказ шелка, сукна, готовые костюмы, духи, драгоценности... Публика одета была элегантно. Гуляло много офицеров в чистых светлых шинелях со стеками в руках. Все кафе и рестораны были ярко освещены. Словом, по внешнему виду совсем нельзя было предположить, что где-то есть большевики, война, отступающие, голодающие, умирающие... и наша группа вносила странный диссонанс в это царство приличия и кажущегося благополучия. Среди военных было великое множество пьяных. По дороге мы зашли в несколько гостиниц справиться о комнатах. Но все было переполнено. В одной гостинице мы услышали такой рев, что лакей поспешил нас успокоить: – Это господа офицеры полковой праздник справляют. В другой – бродил по коридору с револьвером в руке молодой офицер с совершенно бессмысленными от алкоголя глазами. Видно, деньги были у них, и они спешили их использовать»³.

Автору воспоминаний, пытавшемуся остаться приличным человеком, все происходившее казалось каким-то безумием. Обращаясь с мучительными вопросами к себе, и к другим он получал ответы: «– Мы ведь обреченные. Если человек должен в субботу сдохнуть, то где ему уж думать о том, что в воскресенье будет? А наша суббота подходит... И в гибели нашей – мы одиноки... Страшно одиноки. Мы – это

¹Корсак В. В. Великий исход. С. 361.

² Там же. С. 397.

³ Там же. С. 415-416.

те, которыми всякий править и командовать хочет. Здесь командуют, потому что “единая и неделимая”, там потому, что “пролетарии всех стран” должны соединиться. Когда мы к Москве подходили, то большевистские главари за границу удирать собирались, а теперь наши – ведь это не секрет... – А какие ошибки были сделаны – об этом мы с вами хорошо знаем... – Нам не стать ворами, грабителями и убийцами было прямо невозможно. И все же многие остались честными, часто – ценой собственной жизни. А те, кто нами правил и командовал, о чести не думают, а торопятся спасти собственную шкуру... Мне же и вам придется погибнуть, ибо, скажите, что делать людям, у которых ничего, кроме вшей и совести, не осталось»¹.

Благодаря удачному стечению обстоятельств Корсаку удастся покинуть Крым на английском судне. Начинается изгнание, в котором он, отдавая дань памяти ушедшим напишет свои книги, назвав героев и подлецов своими именами. Сегодня эти воспоминания доступны нам. Прочитаем же их².

А. А. Тесля

Необычный средний человек³

Репников А. В., Милевский О. А. Две жизни Льва Тихомирова. – М. : Academia, 2011. – 560 с.

Вышедшая в конце минувшего года биография Тихомирова, написанная А. В. Репниковым и О. А. Милевским, безусловно, является одной из наиболее значительных работ последних лет по истории русской общественной мысли 2-й половины XIX – начала XX века.

Фигура Тихомирова необычайно привлекательна с исследовательской точки зрения, позволяя как в фокусе собрать большую часть событий русской общественно-политической мысли на протяжении целого полувека. Тихомиров, с начала 70-х годов вошедший в революционное движение через «кружок чайковцев», прошедший одиночное заключение в Петропавловке (арестованный по делу 193-х), с конца 70-х – идеолог «Народной воли», член исполнительно комитета пар

¹ Корсак В. В. Великий исход. С. 445.

² Из критических замечаний отмечу исчезновение на некоторых страницах нумерации сносок // Там же. С. 33, 39, 41, 43, 97 и др. На странице 311 помещена фотография В. В. Шульгина периода 1960-х годов, в то время, как было бы лучше поместить фотографию Шульгина начала XX века, или периода Гражданской войны. На 421 странице помещена последняя фотография А. В. Колчака, из его следственного дела, в то время, как о Колчаке в книге речи не идет.

³ Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта МК-1649. 2011. 6.